

# **В О С Т О К**

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА**

**К Н И Г А П Я Т Я**

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

## НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ РЕНЭ БАССЭ <sup>1)</sup>  
(1855 — 1924)

Кто-то, соблюдая старый хороший обычай, прислал извещение, обведенное черной каймой, о смерти (4 января 1924 г.), Ренэ Бассэ, декана словесного факультета Алжирского университета, старшего представителя фамилии ученых филологов. Детство провел Бассэ в Лотарингии (там, должно быть, и родился), учился в Париже, жил и умер в Алжире, часто совершая экскурсии по Африке (северной и центральной), по ее французским колониям. Я видел его один раз, на XVI международном конгрессе ориенталистов в Афинах. Точность и аккуратность сквозили в его фигуре; размеренной определенностью походил он скорее на германца, и не было в нем гальского остроумия француза. И эти черты запечатлелись на его научной физиономии. Конечно, в Москве, которая и прежде оторвана была от сферы его интересов, вращавшихся вокруг берберов (предки которых, Альморавиды и Альмохады, господствовали в XI — XIII в.в. над мусульманской Испанией), — облик Бассэ целиком восстанавливается трудно; я могу наметить только основные линии его труда, а детали, — все, что лежит по сю сторону „судьбоносного“ 1914 года, — у меня затушается.

<sup>1)</sup> Заметка была прочитана в Этнографическом Отделе Общества Любителей Естественного, Антропологического и Этнографического, и этим объясняется, частью, ее фольклорный уклон.

Бассэ проникнут был религиозным чувством, и показательны были его первые работы, посвященные „Молитвам китайских мусульман“ (1878 г.) и религиозной поэме бербера Саби о схождении во ад (1879 г.); они удовлетворяли внутренним устремлением его души. Года через два Бассэ приглашен был в Высшую словесную школу в Алжире (преобразованную в 1909 году в словесный факультет Алжирского университета), и, избрав для вступительной лекции тему о доисламской арабской поэзии, он в течение десятков лет занимал кафедру арабского языка. Находясь во власти традиционных навыков, Бассэ на после-исламскую поэзию смотрел пренебрежительно; но это настроение скоро у него проходит, появляется ряд работ, посвященных позднему периоду, он оценивает народную поэзию, и весь отдается ее изучению: на ряду с арабским языком он давно уже преподавал и язык берберский. Естественно, поскольку действовал он в колонии африканской, круг занятий его переместился на хамитскую филологию. Так национальный долг француза подсказал ему и смысл жизни.

Продолжая старые традиции французских ориенталистов, он углубил изучение берберов, — их языка, религии и творчества. Он понимал, что изучение современных берберских наречий кладет прочный камень для создания берберской филологии, анализа старого берберского языка, его первоосновы, языка ливийского; отсюда у него интерес к языку коптскому и к коптской литературе (религиозно-апокрифической), отвечавшей тайным запросам его души, и к древне-египетскому языку; но у него не было крайностей

и он решительно осуждал попытки (Габеленца и друг.) расширить берберскую область включением и басков. Язык и слово у Бассэ были тесно переплетены, отвечая той цели (познание берберов), которую он себе поставил; современный язык, материал для реконструкции старого языка, раскрывал перед ним богатства народной души. Но он знал превосходно и географо-культурно-историческую обстановку, среди которой протекает народное творчество, и по этим трем магистральям — лингвистика, филология и история — шел, упорно и непрерывно, сорокапятилетний его ученый труд; построенные на тщательно собранном материале, работы Бассэ составили богатый вклад: *Études sur les dialectes berbères* (увенчано премией Бордена); *Recherches sur la religion des Berbères*; исследование культа местных святых („марабутов“); завоевание Эфиопии Араба Факиха XVI в. (текст и перевод); монографии об отдельных районах берберских племен, описания рукописей; труды хронографические, лексикографические, диалектологические, периодические обзоры штудий берберских и исламоведных, редактирование ученых журналов, исламской энциклопедии, и т. д. <sup>1)</sup>

Все-таки тяготел Бассэ к современной укладу жизни: натура его, реальная, понимала то, что могла конкретно осязать; широкая книжная начитанность и опытное, непосредственное знание, вытекавшее из путешествий, также помогали ему уразуметь изгибы жизни народа, как она претворяется в слове, — в народном творчестве. Зная народ, он содержание туземного фольклора объяснял из быта, ибо фольклор отражает народное миропонимание, основанное на религиозных верованиях. С начала 80-х годов прошлого столетия записывал он всюду фольклорные тексты, но он погружался и в неисчерпаемую сокровищницу рукописей Национальной Библиотеки в Париже, в сочинения историков-арабов (Ибн-Халдун, Идриси) — везде искал он отзвуков того, что слышал во время странствований по Африке. Выпуская в 1883 году сборник арабских сказок „Бахтиар-наме“ (оригинал которых, как думал он, написан по-персидски), Бассэ обнаруживает трезвость мысли. Очарованный теорией Т. Бенфея о значении Индии для европейского фольклора, он определенно верит, что Восток оказал в средние века громад-

ное влияние на Запад, и путь миграции намечается „через длинный караван рассказов“. Но, с другой стороны, наблюдения над африканским (берберским) фольклором порождают иногда в нем сомнения; усматривая сходство там, где культурное общение исключено было, он задает вопрос об одновременном независимом возникновении сказочных сюжетов; и как для беспристрастного исследователя, для него законна будет и антропологическая теория. Не будучи, таким образом, безусловным поклонником одной какой-нибудь теории, Бассэ в своих трудах (и в рецензиях) укажет и на заимствования (движение индийских сказочных сборников, и не только на Запад, но и на Восток, — в Китай, арабо-коптские влияния на творчество Средней Африки, и т. д.), но он подчеркнет и поразительное сходство между каким-нибудь средневековым сюжетом и центрально-африканским и даже отметит посредствующую роль берберов, как передатчиков фольклорных сюжетов от арабов к населению Африки, центральной и западной. Сравнивая варианты, он невольно обмолвится и замечанием о приоритете берберской версии; однако ремарки эти бросаются налету, — Бассэ полагал, что для синтеза время еще не настало, и пока нужно заниматься скрупулезным анализом мелочей, как это делал старший его товарищ — Э. Коскен. Фольклор — наука молодая; и вредно было бы отдавать предпочтение одной теории, Бассэ же — разумный электик, соблюдающий справедливость.

Но Бассэ не столько исследователь, сколько собиратель, составляющий сборники как из собственного материала, так, отчасти, и чужого, или из рукописей; *Contes et légendes arabes* (заполняющие страницы журнала „Revue des traditions populaires“ в течение десятков лет); басни о Локмане; анекдоты о шуте Си-Джохе (русской публике известном теперь в египетской форме „Гоха-дурак“) и др.; большую симпатию питал он, как видно, к творчеству берберов: *Contes populaires berbères* (Paris. 1887); *Nouvelles contes berbères* (Paris. 1897)<sup>1)</sup>. В сборнике *Contes populaires d'Afrique*. (Paris. 1903) он постарался представить образцы фольклора народов всей Африки, от Средиземного моря до мыса Доброй Надежды, и с востока на запад, от Атлантического океана до Индийского, — здесь семиты, хамиты; Сенегамбия и Гвинея, банту; готтентоты; Мадагаскар, и т. д. Включен сюда и фольклор негров-рабов, переселенных в Америку; Бассэ наглядно пока-

<sup>1)</sup> Замечания о значении культурно-исторических работ Бассэ разбросаны в статье С. Смогоржевского „Из научной деятельности словесного факультета в Алжире“ („Мир Ислама“, 1912, кн. № 1).

<sup>1)</sup> Он хотел издать и третий сборник, см. *Nouv. contes*, стр. II.

зывает, как на кораблях, увозивших на плантации рабов, эмигрировал туда и африканский фольклор, и как он видоизменился, воспринимая на новой почве черты фольклора белокожих народов.

Работы строятся у Бассэ по одному плану, — небольшое введение, характеризующее материал; сказки и обширные примечания, занимающие часто половину сборника, где точно обозначен источник и даны параллели сюжетов и мотивов. Чтение вариантов, само по себе, утомительно, их оценит, конечно, тот, кто занимается специально той или иной сказкой, а Бассэ скромно замечает, как тяжело было ему работать в провинции, когда вся надежда — на собственные книги, и он тоскует по Парижу — по Национальной Библиотеке. Нам, москвичам, академические библиотеки которых поражают бедностью, эти жалобы непонятны и кажутся преувеличенными, но они указывают, какие требования предъявляет к себе серьезный исследователь.

По складу ума, Бассэ далек от обобщений; он осторожно делает заключения о характерных чертах африканского творчества, отражающих психику первобытного человека; впрочем, выдвигает обилие животных сказок, чудесный элемент (как отзвук реальной действительности — мароккские колдуны, славившиеся и в Турции); отсутствие нравственной идеи, — торжество хитрости и ее превосходство над физической силой. Пожалуй, утверждение, что превознесение хитрости над справедливостью показательно для творчества и менно чернокожих, — смело; и у народов, населяющих Россию, напр., у киргизов, сказка также построена на хитрости, перед хитростью народный ум преклоняется и ей поет дифирамбы.

Памятником (фольклористическим) увлечения Бассэ коптологией является большая серия *Les apocryphes éthiopiennes traduites en français* (Paris. 1893—1900, 10 выпусков)<sup>1</sup>. Человек религиозный, он хочет смотреть на апокрифы, как на продукт веры; но, как фольклорист, он должен признать, что там отсохлосся и сказочный материал, — элементы чудесного находят объяснение в международных параллелях фольклора. И в апокрифах ему, как нельзя кстати, помогает разобратъся его начитанность в литературе фольклорной и в антично-христианских писателях. Бассэ сообщает агиографический материал (нередко уникальный, часто неизвестный, им впервые переведенный),

<sup>1</sup>) Во всяком случае, к изданию предположены были и дальнейшие выпуски (один, напр., должен был заключать апокрифы о богематери).

использовав эфиопские, арабские и др. рукописи, и сопровождает текст вводными статьями. На рукописях вскрываются и его приемы — он устанавливает значение зафиксированных, письменных, восточно-христианских текстов, и сличение их позволяет ему определить время той или иной версии. Работа не очень эффектная, кропотливая, но почтенная.

Так, медленно, шаг за шагом, закладывал Бассэ фундамент для истории международного литературно-устного общения между Востоком и Западом.

*Вл. Гордлевский.*

## АЛИ ЭМИРИ

23 января 1924 года, на пороге восьмидесятой годовщины, скончался в Константинополе османский ученый Али Эмири. Горячий патриот, он родился (в 1260 г. хиджры) на восточной периферии анатолийских турок, в Дيارбекре, который дал Турции современного идеолога пантуркизма, Зия Гёк Алпа. Там, в провинции (в Мардине) он и закончил восточное образование (в медресе). На иерархической лестнице он поднялся от мелкого чиновника по сбору „ашара“ (земельной десятины) до „дефтердара“ (заведующего финансовой частью) Алеппского вилайета; в отставку вышел он после восстановления конституции, удовлетвовавшись половиной пенсии, которую назначило ему правительство. На литературное поприще выступил Али Эмири давно, 18-летним юношей [ему принадлежит, между прочим, перевод (части) арабского сборника песен „Китаб-аль-агани“]. На склоне лет, когда изменились и условия общественной жизни в Турции, он обнаружил большой организаторский талант и основал — „Общество османской истории“, „Общество национальных изысканий“, „Археографическую Комиссию“<sup>1</sup>) и др., которые за короткое, сравнительно, время издали и продолжают издавать периодические органы и сборники, заключающие ценный историко-литературный материал. Принимая активное участие в президиуме Общества, Али Эмири вызвал к жизни журнал „История и Литература“. У него была огромная библиотека (17 тысяч томов), завещанная им давно народу<sup>2</sup>). Во время долгой службы в Малой Азии, он сумел обогатить книжное собрание и рукописями, часть которых увидела уже свет

<sup>1</sup>) См. „Восток“, кн. 4, стр. 205.

<sup>2</sup>) См. „Восток“, кн. 4, стр. 205.